

Изабель Корна : Прощание с Москвой | Isabelle Cornaz : Moscou, les adieux déchirants

Автор: Надежда Сикорская, [Лозанна](#) , 30.08.2023.

Изабель Корна во время интервью Photo © Nashagazeta

Наша сегодняшняя гостья – журналистка, но ее книга, только что вышедшая в издательстве Éditions La Baconnière, – это поэзия в прозе, очень личный, лирический, полный точных наблюдений реквием по некогда любимому городу.

|

Notre invitée de ce jour est journaliste, mais son livre qui vient de paraître aux Éditions La Baconnière, est une poésie pure, une poésie en prose, un requiem pour une ville aimée jadis, personnel et lyrique, plein des observations précises.

Isabelle Cornaz : Moscou, les adieux déchirants

Изабель Корна изучала русский язык в Женевском университете и лондонском University College. Долгое время работала в Москве по линии швейцарского МИДа, позже - в Лондоне, на радио, еще позже - в качестве журналиста для разных франкоязычных СМИ. В 2012 году поступила на службу в Швейцарскую радиовещательную корпорацию (RTS) - сначала как сотрудник редакции в Лозанне, затем как корреспондент в Москве. Сегодня она продолжает трудиться там же. В 2020 году вместе с Дидье Росса Изабель сняла серию документальных радиопередач «Дух дачи», в 2021-м сотрудничала с театром Comédie de Genève в рамках радиотеатрального проекта вокруг пьесы Александра Дубле «Возвращение в Вишневый сад».

Мы знакомы давно, но встречались лишь урывками: то у меня были вопросы к Изабель, то у нее ко мне. В последний раз мы пересеклись в прошлом мае в Берне, на учредительном собрании швейцарского «[Мемориала](#)». Тогда же выяснилось, что есть повод для более обстоятельной встречи - им стала книга «[Ночь пешком](#)», которая еще только будет представлена через несколько дней на фестивале «Книги на набережной» в Морже, но которую мы уже прочитали и уверены, что она не оставит равнодушным ни одного москвича. И не только москвича.

Вот параграф в качестве предисловия, в нашем переводе. «Я глубоко любила город - Москву, - который менялся со временем; часть того, что я любила, исчезла. Я начала писать текст, в котором Москва была бы героиней, эссе на ее реальные или выдуманные сюжеты, об ее дырах и огромной стране вокруг. Эта территория стала живой хранильницей слухов и морских ископаемых, любви и воспоминаний, хранильницей невыносимой жестокости».

После синхронного глубокого вздоха, донесенного Zoom, мы начали разговор.

Наша Газета: Изабель, у Вас нет русских корней, Ваша мама - испанка, папа - испанец. Как проснулся интерес к русскому языку, к России, ставшей частью Вашей жизни?

Действительно, никаких семейных, кровных связей с Россией у меня нет. Но меня всегда интересовали иностранные языки, и после школы захотелось открыть для себя новый язык и все ассоциирующиеся с ним реалии. Наверно, Россия представлялась мне запутанной и одновременно очень живой, яркой - возможно, благодаря занятиям в театральной студии и работе со многими текстами Чехова, благодаря поэзии, которой я начала тогда интересоваться и значение которой в России я поняла лишь позже. То есть в начале было слово. Я записалась на отделение русского языка в Женевском университете и через год отправилась в первую поездку в Россию - вместе со студентами-архитекторами мы открывали для себя конструктивистские здания в Москве, на тот момент не реставрированные. Например, Дом Наркомфина, построенный в 1928-1930 годах по проекту архитектора Моисея Гинзбурга и произведший на нас огромное впечатление. С тех пор я ездила в Россию практически каждый год и в общей сложности прожила там, с перерывами, семь лет: с 2000 по 2020 годы я наблюдала за тем, как менялась Москва.

То, что иностранец, впервые приезжающий в новую страну, обращает внимание на вещи, кажущиеся обыденными для местного жителя,

нормально. Помню, я сама, вернувшись в Москву после первого долгого, полугодового, отсутствия, была потрясена безысходностью огромного плаката в аэропорту Шереметьево: «Коммунизм неизбежен». В Вашей, можно сказать, итоговой книге о Москве Вы пишете о цветах, присутствующих в ней «на все случаи жизни». И сам город ассоциируется у Вас с цветком. Почему?

Интересный вопрос, ответ на который я начну издалека. Целью моей книги было описать территорию – не только Москвы, но и окружающей ее огромной страны, –пытаясь понять ее мотивы, то, из чего она сделана, познать ее пласты и задаться вопросом нашего отношения к этому пространству и пересекаемой нами территории. В поисках мотивов обнаруживаются элементы, то и дело возникающие на поверхности в самых разных формах – то радостных, то жестких. Москва, как и вообще территории, меня очаровывают. Россия – территория невероятно привлекательная, которую мне хотелось описать, и одновременно все время от меня ускользавшая.

В книге задается вопрос о существовании или не существовании этой территории. Вопрос этот был у меня всегда, но, когда я начала писать книгу в ее окончательной форме, он усилился из-за начавшейся войны: не исчезает ли Россия из-за этой войны, из-за коллективной амнезии и неспособности значительной части населения посмотреть правде в глаза?

Цветы стали для меня одной из деталей, позволяющих «ухватить», «поймать» территорию. Описание города через такие кажущиеся незначительными детали представляется мне способом противостоять массивному, размеченному, многократно описанному и объясненному городу, показать его хрупкость за внешней монументальностью.

Нет никаких сомнений в том, что Вы искренне любите Россию. С начала войны в Украине часто поднимается вопрос, можно ли еще ее любить? Можете ли Вы любить русских, которые включают в себя и тех описанных Вами мародеров, которые вытащили кредитные карты из кармана пассажира самолета, разбившегося над Смоленском, сняли по ним наличные и потратили их в кафе?

Я не знаю. Может быть, сейчас – сложно. Я всегда разделяла народ и правительство, но сейчас мы имеем дело с народом, который одновременно заложник и сообщник. В моем тексте задается и такой вопрос: что делать с той страной, которую мы любили? У меня нет на него ответа. На сегодняшний день этот текст для меня – прощание с Россией, способ отстраниться от нее. Если когда-то Россия возродится, возродятся и мои добрые воспоминания.

Еще одна Ваша ассоциация с Москвой - сосульки, и вообще Вы очень неожиданно пишете о «роли льда», если можно так выразиться, в повседневной российской жизни и в ее истории. Скажете об этом несколько слов?

Лед занимает особое место в книге, поскольку часть ее посвящена моему детству, проведенному в Швейцарии. Задаваясь вопросом о реальном существовании описываемой территории, я, возможно, нашла способ представить ее как вымысел: как в детстве, когда я запоминала все свои сны. Изначально мои отношения с Москвой переплетались с детскими воспоминаниями, в которых снег также играет

важную роль. Но московский снег очень отличается от швейцарского, он прикрывает – буквально и метафорически – многие скрывающиеся слои страны, так и на разделившейся со своим прошлым. По мере написания книги я открывала для себя способность Москвы к самоуничтожению посредством уничтожения следов прошлого, что она делает сейчас на украинских территориях, и одновременно привлекательность Москвы для многих экспатов. Я не ставила целью все объяснить, но скорее намекнуть, задать вопросы.

Ваша книга построена как бы из отдельных коротких заметок, из которых, словно кружево, сплетается общее целое, где, словно мимоходом, поднимаются многие важные темы. Одна из них – «закрытые» города или академгородки, все чаще привлекающие сегодня интерес как историков, так и писателей. Каким вспоминается Вам город Дубна? Думали ли Вы там о романе «В круге первом» Солженицына?

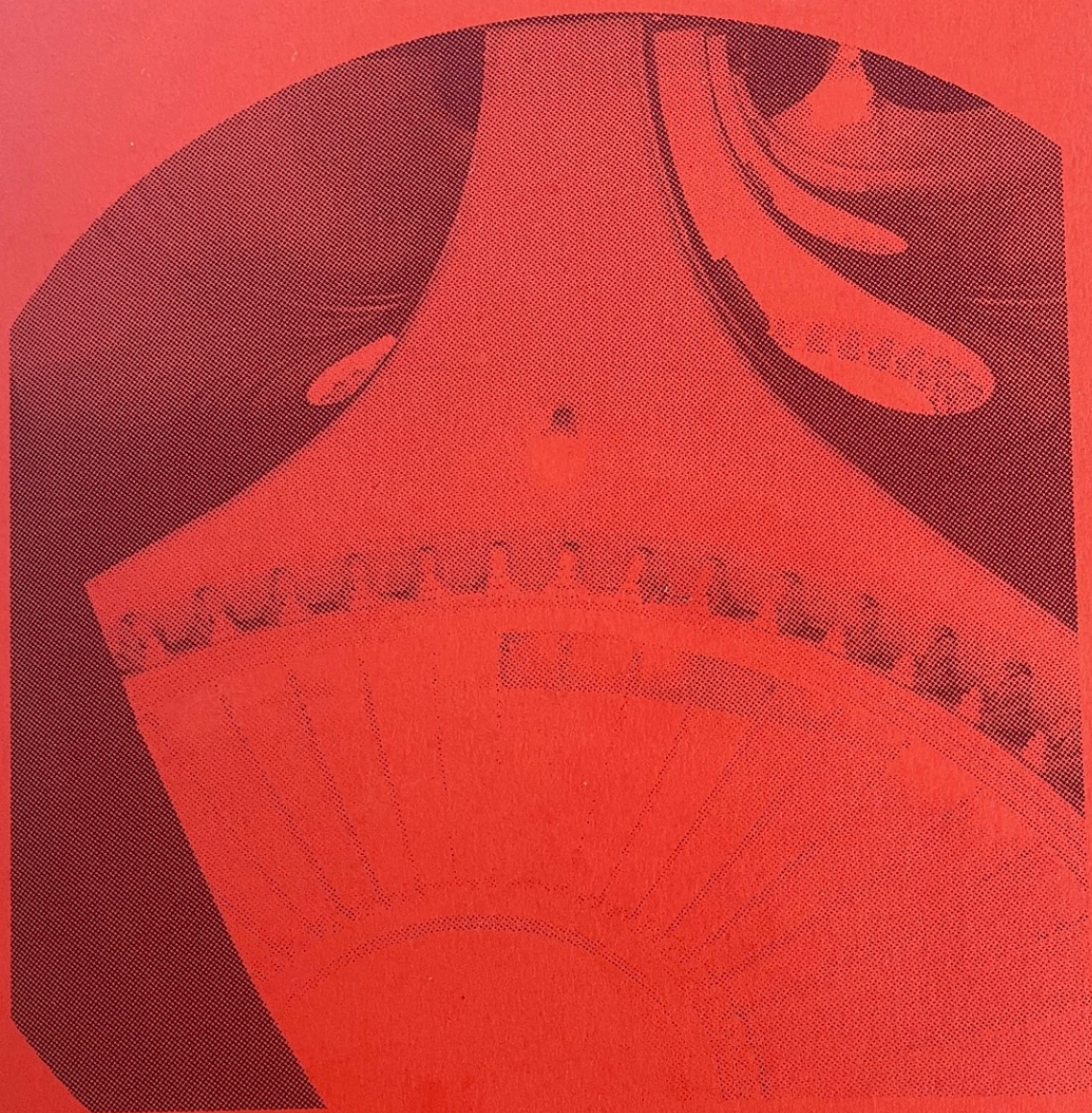
О Солженицыне не думала, а в Дубне я была, чтобы сделать передачу о ее связях с ЦЕРНом, связях, сегодня разорванных. Мне показалось интересным, что закрытые, а то и секретные города, отсутствовавшие на картах, были еще одним доказательством того, что действительность гораздо богаче, чем кажется на первый взгляд. Аналогично, в России существует великое множество не кадастрированных кладбищ, что дает государству возможность просто их уничтожать – ведь их нет на карте, и строить на их местах что-то другое.

Подмеченное Вами нежелание жителей этих закрытых городов, чтобы их открывали, во имя сохранения привилегированного снабжения продуктами очень показательно и многое говорит о сути россиян, в большинстве которых нет ничего загадочного, если, конечно, не верить в мифическую русскую душу: если утрировать, то колбаса для них важнее свободы. Так ли это?

В загадочную русскую душу я точно не верю. Я думаю, опять же – если утрировать, то такой выбор относится не только к россиянам: многие швейцарцы тоже предпочитают жить привычной безопасной жизнью, ничего в ней не меняя. В моей книге я не стремилась нарисовать социологический портрет россиян, но дать представление о них, о политике, об истории и об обществе через описание территории.

При этом российское общество отличается ощущение страха, которое передается от поколения к поколению и частично объясняет некоторые особенности поведения. Сегодня, на фоне войны в Украине, я глубоко шокирована поведением части этого общества, предпочитающей прятаться от действительности, ничего не знать, чтобы никак не нарушать свой привычный жизненный уклад. Разумеется, это относится не ко всем, но неспособность занять коллективную гражданскую позицию меня потрясает, даже если ей можно найти объяснение, например, в неуважении к человеческому достоинству со стороны сменявшихся российских правительств. Но и тут я готова расширить географические границы и задать этот вопрос не только россиянам. Меня не меньше – если не больше! – шокирует поведение некоторых моих сограждан, которые поддерживают российскую агрессию несмотря на то, что имеют доступ к самым разным источникам информации. Даже самой себе я задаю вопрос: можно ли продолжать жить, как раньше, после этой войны? Ответить на него сложно. Эта война сделала будущее непредсказуемым, лишила возможности как россиян, так и украинцев что-то планировать, а жить в такой нестабильности, в неизвестности крайне тяжело. Может, поэтому часть россиян и предпочитает жить,

как будто ничего не происходит.

LA NUIT AU PAS

Isabelle Cornaz

Общежитие МГУ, пишете Вы, было «крепостью с кучей дыр» – за сто рублей можно было в него проникнуть. Подтверждаю верность этого утверждения, хотя в мое время ставки были ниже. Можно ли сделать обобщение о России: в стране, где очень многого нельзя, за деньги можно всё? И только ли России это касается?

Конечно, это касается не только России, однако уровень коррупции в ней чрезвычайно высок. В своем тексте я пыталась рассказать о ряде барьеров, препятствий, возникающих в разных формах на территории России, которая представляется мне фрагментированной, закрытой, часто недоступной, где ты не можешь свободно передвигаться как хочешь. А это вынуждает разрабатывать стратегии, находить, фигурально выражаясь, дырки в заборах или проделывать их самостоятельно. Вопрос препятствий в физическом пространстве тоже всегда меня интересовал.

«Москва потеряла память», пишете вы. Не могли бы Вы развить эту мысль?

Москва потеряла память уже в силу того, как она распоряжается своим культурным, архитектурным наследием, часто заменяемым фейками. Нельзя не поражаться особенностями джентрификации Москвы, то есть реконструкции пришедших в упадок городских кварталов. Достаточно вспомнить утверждение бывшего мэра Юрия Лужкова, что новое здание, являющееся копией старого, – это лучше, чем восстановленный оригинал. То есть сознательно создаются миражи. Это – на первом уровне. Гораздо более серьезная проблема – это переписывание истории посредством новых памятников, от Калашникова до св. Владимира. Нынешняя власть предпочитает «стирать» индивидуальные, личные истории, насаждая прошлое в выгодном ей свете. И это «правильное» прошлое присутствует повсеместно.

Еще один имидж Москвы, который Вы предлагаете читателю, это маленькая фотография для удостоверения личности. Почему? Ведь Москва – всё, что угодно, только не маленькая?

Да, и в этом вновь проявляется мое стремление проникнуть в Москву через детали. Для меня Москва – это, например, ее многочисленные дворы, в которых проходит жизнь. Маленькая фотография для меня в данном случае – это как воспоминание о дорогом человеке, фотографию которого мы носим с собой в кошельке. И параллельно я задаю себе вопрос, стоит ли сохранять эти воспоминания.

Много было сказано о проблеме дезертиров. Вы тоже пишете о них – как мне кажется, с пониманием, даже если отмечаете, что некоторые бегут не потому, что не поддерживают власть и войну, а просто не хотят рисковать собственной жизнью. Думаю, это стоит пояснить и сказать, меняется ли со временем Ваше понимание этой проблемы?

Да, постоянно меняется, как у всех, наверное. Эта война настолько абсурдна, что трудно представить себе, что кто-то в России добровольно хочет идти воевать, хотя мы знаем, что такие есть: под влиянием пропаганды или в силу других причин. Со стороны украинцев ситуация, разумеется, совершенно иная.

Стоит сказать, что я писала эту книгу вскоре после того, как стала матерью, что неизбежно влияло на мое отношение к детству вообще, к депортированным в Россию украинским детям и к российским, провожающим своих отцов на эту войну со

слезами на глазах. Это наделяет войну человеческим лицом.

Если в начале Ваш текст чем-то напоминает свободный стих или даже японскую поэзию, то постепенно тон меняется, становится более жестким. Следует ли понимать это, как отражение Ваших менявшихся чувств?

Да. Тем более, что книга писалась постепенно, урывками, и лишь после начала войны я начала придавать ей форму. Я постаралась остаться верной собственным воспоминаниям, но при этом показать, насколько война повлияла на мое восприятие мира, ведь я и представить себе не могла, что столкнусь с ней и со всеми причиняемыми ею страданиями. Начало войны застало меня в Киеве, я все видела своими глазами.

© NashaGazeta

Одна из загадок, которую тщетно пока пытаются разгадать все аналитики, это кажущееся равнодушие россиян к войне, их предпочтение не знать, не слышать, не видеть, и не только не говорить, но даже и не думать. «Семьи солдат предпочитают верить, что их сыновья погибли не зря». Имеет ли такое поведение предел, и что должно случиться, чтобы он наступил?

Не знаю. Но что касается фразы, которую Вы процитировали, то мне кажется – это защитная реакция, ведь признать, что твой сын погиб зря было бы просто невыносимо. Поэтому проще уверить себя, что он погиб за родину – в этом значительно помогает пропаганда. Боюсь, что тем дольше затягивается война, тем больше россиян подпадает под её влияние, чем объясняется мой пессимизм насчет будущего России. Может быть, часть населения предпочитает закрывать глаза, потому что зрелище происходящего невыносимо. При этом Вам отлично известно, что порой трудно понять, что на самом деле думают россияне в обществе, скованном страхом. Возможно, ничего не изменится до тех пор, пока россияне не почувствуют себя в тупике.

Где-то в середине Вашего повествования Вы задаете фундаментальный

вопрос: сможет ли Москва морально пережить войну? Есть ли у Вас ответ на него?

Нет.

Вы говорите, что Москва утратила память, а сами пытаетесь стереть ее из собственной памяти. Думаете, получится?

Наверное, нет, потому что, может быть, все увиденное и пережитое мною в России – это сон, который я смогу сохранить. В книге я исхожу из желания получить контроль над своими воспоминаниями. Я исхожу из принципа, что все территории, которые мы пересекаем и которые пересекают нас, независимо от нашего происхождения и формальной связи с ними, в какой-то мере принадлежат нам. Один из вопросов в книге: кому принадлежит Москва перед лицом правительства, взявшего собственную страну в заложники и пытающегося лишить другую страну, Украину, права на существование? Да, у меня есть стремление взять контроль над чем-то, что мне не принадлежит, ведь я не россиянка, и у меня нет никаких прав на эту территорию, живущую в моих снах, в моем воображении. Но в этом стремлении – политический акт, цель которого – показать, что она не принадлежит и тем, кто находится сегодня у власти в России, она живет в нас, ее любивших.

От редакции: У вас будет возможность послушать Изабель Корна и задать ей вопросы **3 сентября** с 14.45 до 16 ч. в рамках фестиваля [Livres sur les quais](#) и **10 сентября** с 15.30 до 17 ч. в Женеве, в книжном магазине Payot Cornavin.

[Москва](#)

Source URL:

<https://nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/izabel-korna-proshchanie-s-moskvoy>